
18+
Даниэль Шатеньри
Проблески
страны каштанов

Даниэль Шатеньри

Проблески страны каштанов

«Издательские решения»

Шатеньри Д.

Проблески страны каштанов / Д. Шатеньри — «Издательские решения»,

«Проблески страны каштанов» — живой, глубоко личный сборник поэзии, рожденный большой любовью к истории и культуре Франции. Через призму рефлексии автор делится зарисовками о душевных исканиях и мечтах, превращая книгу в удивительный флэшбек сквозь эпохи по желанным и некогда родным местам. В книгу частично вошли произведения, опубликованные в книгах Лина Трунова «Заповедные тропы», «Слои восприятия».

© Шатеньри Д.
© Издательские решения

Содержание

К читателю 6
Отголосок прошлой жизни 7
Мелодии между прошлым и будущим 9
Мелодия 1 9
Мелодия 2 11
Мелодия 3 13
Мелодия 4 14
Слияние мелодий 16
Le Secret des flots 17
Ключ от бездны 18
Чёрный Перигор: записки на полях 20
Le Havre de la Dordogne 31
Diptyque des souvenirs d’une vie antérieure 32
Легенды Долины человечества 34
Лесной портал в 1795 год 34
Проклятие Леберу 36
Тени запечатанной пещеры 38
Владыка сумрачных чащ 40
Глубина 41
Каштановая непонятка 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Проблески страны каштанов

Даниэль Шатеньри

© Даниэль Шатеньри, 2026

ISBN 978-5-0071-8009-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Франция обладает удивительным и непостижимым даром. Она умеет проникать в самое сердце человека через свое великое слово, оставляя глубокий и неизгладимый след на всю жизнь.

Для меня Франция давно перестала быть просто точкой на карте или туристической картинкой, претворившись в особое состояние души и один из источников, питающих вдохновение. Любовь к ней родилась из восхищения тем, как французская культура способна превращать обыденность в высокое искусство, сочетать легкую меланхолию с невероятной жаждой жизни и находить поэзию в самых простых вещах.

Именно поэтому на страницах этой книги я хочу поделиться с вами тем сокровенным, что росло и созревало долгие годы. В книге я делюсь своими размышлениями и открытиями. Каждое из них рождено моим искренним восхищением великой культурой. Приглашаю вас разделить со мной эту эстетическую страсть, замедлить привычный бег времени и открыть для себя собственную Францию, полную глубоких смыслов, изящного слога и настоящей красоты.

Публикую эту книгу под псевдонимом. Меня не покидает мистическое ощущение, будто большая часть этих строк создана моим вторым «я». Этот чужой, но близкий голос то и дело прорывался наружу сквозь внезапные вспышки воспоминаний из прошлой жизни.

Рада приветствовать вас в своём мире.
Даниэль Шатеньри

Отголосок прошлой жизни

Стихи писались при свечах, из прошлой жизни,
Под шелест волн, где Чёрный Перигор
Сквозь полумрак старинной укоризны
Со мной и тьмой затеял разговор.

Огарок таял, воском оплывая,
Старинный замок погружался в сон,
И тени дам и рыцарей, мелькая,
С картин стекались на резной балкон.

Шумят за окнами дубовые леса,
Пыхтит сова в туманной серой мгле.
И чьи-то призрачные, грустные глаза
Вчитались в строки на моём столе.

Французский замок, замшевый рассвет.
Но русский слог ложится на листок,
Как будто этот восковой, забытый свет
Сквозь толщу лет пробиться в наш век смог.

Мелодии между прошлым и будущим
Литературно-музыкальная сюита в четырёх частях с заключением

Мелодия 1
Над призраками арок

В пятнадцатом веке во Франции жила молодая женщина, чья прежняя красота поблекла от тревожных лет. Тяжёлый труд наложил отпечаток на её облик, а бессонные ночи оставили след, когда она вслушивалась в каждый глухой скрип повозок на дорогах в робкой надежде, что, наконец, возвращается её муж с затянувшейся войны.

Мать напевала ребёночку о далёком Авиньоне и мосте Сен-Бенезе, что гордо тянется через своенравную Рону. Светом обещания звучало: вот вернётся твой папа, ты научишься ходить, мы подкопим звонких денье и су, и поедем втроём танцевать под авиньонскими камнями, прохладными даже в самый зной. Там, на острове Бартеласс, в развлекательных садах и на ярмарках люди забывают о невзгодах и кружатся в бранле.

Sous la peira d’Avinhon
L’on y danse, l’on y danse
Sous la peira d’Avinhon
L’on y danse tous en rond.

Но река годами подтачивала камень, арки одна за другой с ворчливым рокотом обрушались в воду. И под мостом уже опасно развернуться весёлому кругу. Вот и сменились в материнской песне слова. Раз уж под мостом танцевать нельзя, значит, будем танцевать на мосту, высоко над рекой. Пусть мост и очень узок. Она учила подрастающего дитятку: «Берёмся за ручки, поём и танцуем!

Sur le pont d’Avignon —

два шажка вперёд, мой милый…

L’on y danse, l’on y danse —
а теперь два шажка назад.
Sur le pont d’Avignon — два шага влево…
L’on y danse tous en rond — и два вправо!

А теперь отпустим ручки и покружимся вокруг себя… кружимся… кружимся… кружимся».

Только женщина в глубине души понимала: не состоится этот танец. Ни завтра, ни через год… никогда. Муж уже не вернётся, монетки так и не соберутся, а дорога в Авиньон навсегда останется лишь в напеве. И всё равно она тихо выводила мелодию — потому что эта песня была не про танец, а про то, как держать в сердце крохотный, упрямый свет, когда вокруг всё тихо рушится, точно арки старого моста. Пройдут года, смолкнет её голос, затеряется в новых

временах её дитя. Уйдет и та, что когда-нибудь разделит с ним земную долю. Но эта песня останется их первой общей памятью. Жизнь утекала и исчезла.

Песня лилась, перетекала, то затихая, то возникая… Вспыхнула неожиданно в 1853 году, когда композитор Адольф Адан включил её в свою комическую оперу про глухого в переполненной таверне. А потом мелодия вновь затихла, почти забыв саму себя. По нелепой случайности опера создателя «Жизели» забылась ещё более основательно, чем песенка про мост.

И только тогда, если кто-то начинает вдруг напевать невзначай **«Sur le pont d'Avignon l'on y danse, l'on y danse…»**, мелодия не цепляется за уцелевшие четыре пролёта моста и маленькую капеллу святого Николая прямо посреди реки — они ей не знакомы, слишком «для понта»… Она снова льётся над призраками восемнадцати исчезнувших арок. Там сейчас только воздух и шум воды. Песенка кружится — тонкая, будто и сотканная самой Роной. И если встать у самого ограждения, не глядеть на перила, а просто слушать, то слышно, как она приглашает потанцевать в кругу на целом, всамделишном мосту.

Мелодия 2
Призрачное клешнепожатие

В девятнадцатом веке душа воплотилась в ребёнке из благополучной парижской семьи эпохи первого президента и последнего императора Франции — Шарля Луи Наполеона Бонапарта. Но богатство не могло укрыть дом от треволнений Второй империи, особенно к её закату. Отец мальчика, искренний идеалист, в 1848 году на выборах голосовал за поэта Ламартина и тяжело переживал эгоцентризм Наполеона Третьего, прозванного с лёгкой руки Виктора Гюго «Наполеоном Малым». Мать, уставшая от фальши и помпезности новой империи, с горькой усмешкой баюкала своего сына.

Очень тихо, таясь, женщина напевала сатирическую песенку про гипотетического в кавычках «короля со всем семейством». Каждое утро любого дня недели он одевается как на парад, заставляет помпезно наряжаться «королеву и маленького принца», и они, невзирая на солнце или проливной дождь, отправляются жать руку «хозяину дома» — народу великой Франции. Хотя в самой песенке звучит совсем не благородное слово, а едкое, простонародное «пожать клешню» — будто власть изначально шла на поклон к какому-то диковинному зверю.

В устах матери эта забава превращалась в сюрреалистическую притчу об ослепшей власти. О том, как легитимный представитель народа, возомнивший себя «народом — хозяином», ходит торжественно пожать самому себе руку. Но поскольку его никогда нет дома, ведь он постоянно уходит на поиски самого себя, то вся эта государственная церемония превращается в замкнутый круг.

Lundi matin, le roi, la reine et le petit prince
Sont venus chez moi pour me serrer la pince.

Mais comme j'étais parti, le petit prince a dit:
«Puisque c'est ainsi nous reviendrons mardi!»

Когда они являются в воскресенье, «принц» заявляет, что они вернутся в понедельник. Так семейство ходит, ходит, ходит… нагоняя на всех тоску. Возможно, только «маленький принц» видит всю нелепицу происходящего. Но, скорее всего, у ребёнка, которому мать пела эту песенку, рождается горький, бунтарский отказ: «Puisque c'est ainsi, nous ne reviendrons plus!» — раз так, мы больше не придём никогда!

Пролетят годы, превратятся в архивные строки амбиции императоров и имена политиков. Век за веком мелодия будет стирать память о том, о чём, собственно, шла речь в её строках, пока не забудет саму себя.

По этой песенке современные дети по всему миру просто учат французские дни недели — от понедельника до воскресенья. Старательно грассируют французское «r», даже не догадываясь, что уже много веков никто ни к кому не ходит жать руку.

Но когда кто-нибудь, не по заученному, а невзначай, начинает напевать: **«Lundi matin, le roi, la reine et le petit prince, sont venus chez moi pour me serrer la pince…»**, в песенке ещё тихо проскальзывает эхо старой политической обиды и тоска по настоящему дому.

Мелодия 3
Лёгкая поступь Пифа

Ясными глазами в ещё неосознанном восхищении юная душа смотрит на новый светлый мир. Тёплой колыбельной проникает в неё напев, которому суждено было пробиться сквозь глухой, холодный железный занавес. Из уст мамочки льётся французский ритм, который, возможно, вовсе и не был песней.

C’est Pif le chien, c’est mon copain
Joyeux, malin, il est sur mon chemin.
Bout du nez noir et ventre blanc,
Il faut le voir, ses trois cheveux au vent.

Лёгкие строки родились в сердце Франции, когда над Европой едва утихли огненные грозы Второй мировой. Они несли в себе рассказ о весёлом и хитром псе по имени Пиф и его верных друзьях. У этого весёлого бродяги чёрный носик, белый живот, коричневые бока и всего три смешных волоска, трепещущих по ветру. Но именно он становится преданным спутником для самых маленьких и для больших — для всех тех, кто упрямо продолжает любить жизнь, будь то суровая зима или цветущая весна. Мало кто знал, что этот чистый символ простого счастья и домашнего уюта был сотворён в конце трудных сороковых годов вовсе не французом, а бежавшим от диктатуры испанским художником-коммунистом, воплотившись в комиксах на страницах французской газеты «L’Humanité» («Юманите»).

Французская напевная речь звучала тихо, как бы из прошлой жизни, укрывая от внешних тревог, претворяясь в островок душевного тепла. Подрастающая душа ликовала про себя: «Вот оно! Наконец-то, я дома! В своём, родном!» А может быть, ей это казалось…

Годы летели, изменялись границы, рушились занавесы, как арки моста. Суровые ветры времени унесли в прошлое целую эпоху. Год за годом мелодия будет беречь эту детскую радость, укрывая её от холода внешнего мира, пока время не размоет первоначальные смыслы. Смешной пёс с тремя волосками по ветру останется в памяти тихим, согревающим эхом, напоминающим о том, что среди любых исторических бурь самое важное — сохранить способность радоваться любому времени года, крепко держась за свой собственный, домашний островок, спасающий от водоворота.

Мелодия 4
Когда же я вернусь?

В XVI веке душа лишь на короткое мгновение коснулась земного бытия, ухватившись за хрупкий кончик путевой нити. После тяжёлых утрат земное пребывание промелькнуло мимолётной вспышкой. Но этого времени хватило, чтобы подсознательно впитать и навсегда запечатлеть в памяти два щемящих сердце куплета сонета, вышедшего из-под пера поэта Жоашена дю Белле. Строки о великом Улиссе, который совершил прекрасное странствие и вернулся к дыму родного очага, легли на самое дно памяти, став тайным кодом тоски по родине.

Heureux qui, comme Ulysse, a fait un beau voyage,
Ou comme cestuy-là qui conquit la toison…

(Счастлив тот, кто, подобно Одиссею, совершил прекрасное путешествие,
Или подобно тому, кто обрёл, завоевавши золотое руно…)

Забытое стихотворение, минуя века, в 2007 году открылось миру преображённым в песне современного парня Ридана. В куплетах зазвучала иная грань того же мифа, воскрешая образ одинокого путника, который наперекор воле богов преодолевает шторма силой собственных рук и теряется в топких, бескрайних болотах.

Больше не было маминого голоса с её тихими колыбельными. Вокруг грохотал огромный, равнодушный мегаполис. Душа, ведомая зовом мелодии, внезапно нашла и подхватила те самые древние строки шестнадцатого столетия. Они до боли, до мурашек знакомы. В куплете

звучит рассказ про моря, сирен и «воду в золотых дорожках». В песне, положенной на гитарную музыку, несговорчивая душа, уставшая от странствий, требует освобождающего финала и прилагает все усилия, дабы разорвать замкнутый круг многовекового одиночества.

В вязких жизненных болотах могут погрязнуть абсолютно все, и израненный человек, и грозные боги. Но человек, рассчитывая только на себя, наперекор всему гребёт, борется и, возможно, прорвётся к спасению. А вот вечные боги, привыкшие к небесному Олимпу, могут застрять в земной грязи намертво, обречённые на вечное забвение. Как бы ни мечталось о спасении, вечное возвращение домой после странствий и прошлых жизней ещё более эфемерно, чем вечное скитание. Потому и звучит вопросительным непрерывающимся рефреном:

Quand reverrai-je, hélas, de mon petit village,
fumer la cheminée et en quelle saison
Mais quand reverrai-je, de mon petit village,
fumer la cheminée et en quelle saison,
Mais quand reverrai-je?

(Когда же я снова увижу, увы, дымок над крышей родного дома в моей маленькой деревне, и в какое время года это случится?
Но когда же я снова увижу этот дымящийся очаг моего домика, и в какое время года?
Но когда же я снова это увижу?)

Шестнадцатый и двадцать первый века сливаются в один миг. Настоящее и далёкое прошлое соприкасаются через строки, становясь едиными. Душа проживает две эпохи одновременно? Или это и есть финал, где прошлые жизни, наконец, соединяются в одну вечную…?

Слияние мелодий
Непрекращающийся поиск

Под арками Авиньонского моста в далёком пятнадцатом веке, среди фальшивого блеска империи Наполеона Третьего и в залитых солнцем послевоенных пятидесятых годах века двадцатого, где жил весёлый пёс Пиф, его душа неустанно искала одно и то же: тихую заводь, ускользающий свет и потерянный дом. В песне про Улисса отчётливо слышится блоковское — та самая хрупкая надежда, что в тихой заводи наконец укрылись истерзанные штормами корабли, а усталые люди на чужбине обрели светлую жизнь.

Но за красивым фасадом странствий Одиссея, как и в блоковском хоре, всегда прятался скрытый, глубокий трагизм. Это тихая, горькая правда об изнурительных штормах, обманах и потерях, через которые человеку приходится прорываться назад, пока плачет ребёнок о том, что никто не вернётся. И всё же этот блоковский мотив «тихой заводи», которой, возможно, уже давно не существует во внешнем мире, делает финальное воспоминание невероятно глубоким.

Главным мостом в многовековом поиске спасения становится сонет Жоашена дю Белле. Строки, рождённые в шестнадцатом столетии, сегодня эхом оживают в плотных амбушюрах наушников, мгновенно замыкая великий круг реинкарнаций. Век шестнадцатый подарил миру слова о щемящей тоске по родине, а век двадцать первый нашёл для них идеальную, бьющую в самое сердце музыку. В шуме современного города душа слышит не просто модный трек, а подлинный, чистый голос собственного далекого прошлого. Она замирает ровно посередине культурного и временного эха, застигнутая врасплох чужим и одновременно слишком знакомым текстом.

И когда человек напевает ставшие родными мелодии из прошлых воплощений, он внезапно понимает, куда так долго, сквозь эпохи и чужие тела, шла его утомлённая душа. Возвращение к самому себе, к своей истинной тишине — это и есть обретение той самой «светлой жизни» и финал великого, затянувшегося на столетия странствия.

Человека посещает освобождающее ощущение, что он, наконец, дома. Это знание позволяет ненадолго обрести покой, пусть даже на самом деле хорошо только там, где нас нет…

Sur le pont d’Avignon l’on y danse, l’on y danse…

Lundi matin, le roi, la reine et le petit prince…

C’est Pif le chien, c’est mon copain…

Heureux qui, comme Ulysse, a fait un beau voyage…

Mais quand reverrai-je, de mon petit village,
fumer la cheminée et en quelle saison,
Mais quand reverrai-je?

Le Secret des flots

Sous les vagues d’azur, sous le grand manteau noir,
Dort la ville d’or fin que l’on ne peut plus voir.
Le roi dort sur son trône, et la mer bat les murs,
Gardant le vieux secret des longs siècles parjures.

Dahut chante au milieu des coraux et du vent,
Sa voix flotte sur l’eau comme un écho mouvant.
La clé d’or est perdue au fond des grands abîmes,
Où s’effacent les jours, les regrets et les crimes.

Et quand vient le matin, sous le ciel calme et pur,
Le marin sur sa barque écoute le murmure.
Les cloches des clochers sonnent
sous les grandes ondes,
Berçant la douce peine en des mers si profondes.

C’est le chant du retour, c’est l’appel du passé,
D’un pays de lumière à jamais effacé.
Mais Par-Is se souvient de sa sœur égarée,
Dont le cœur déchiré vibre sous la marée.

Ключ от бездны (Стихотворение в прозе по мотивам стиха «Le Secret des flots»)

У самого края земли, где суровые скалы древней Бретани из века в век принимают удары седой Атлантики, король Градлон воздвиг замок для своей непокорной дочери Даху.

Этот город, названный Ис, стал чудом зодчества, укрытым от ярости бездны за исполинской плотиной.

Только одни потайные ворота из литого золота связывали цветущие улицы с ревущим простором моря.

Заветный ключ от них король никогда не снимал со своей шеи, оберегая покой спящих граждан.

Но принцесса Даху превыше законов земли любила свободу, хмельной шум ночных пиров и безумную песню шторма.

В полночь, под прикрытием грозы, в замок явился прекрасный чужеземец в багряных одеждах, чьи глаза горели багровым пламенем преисподней, а за спиной развевался плащ цвета свежей крови.

Его походка была бесшумной, а вкрадчивый голос манил обещаниями безграничной власти, и гордое сердце принцессы дрогнуло перед этими сладкими, гибельными речами.

Поддавшись коварным чарам, она дождалась, пока отец погрузится в глубокий сон, бесшумно выкрала золотой ключ и отперла морские ворота, не ведая, что под маской прекрасного гостя скрывался сам дьявол.

В ту же секунду чёрный океан с торжествующим ревом хлынул на площади.

Стотонные валы ледяной воды с грохотом обрушились на спящие кварталы, в один миг стирая людские амбиции, затапливая мраморные дворцы, сокрушая гранитные колонны и с корнем вырывая сады.

Великая цивилизация заживо погружалась в ревущую пучину небытия.

Король Градлон успел вскочить на своего верного волшебного коня и подхватил плачущую дочь, пытаясь уйти от настигающей погони.

Море требовало искупления за гордыню, конь замедлял шаг, и святой Гвенноле приказал отпустить виновницу греха.

Даху соскользнула в пенистую пучину, и бездна сомкнулась, утихнув навсегда.

Великий Ис не погиб на дне морском, он остался жить там, под толщей лазурной воды, где время остановилось навечно, а прекрасная Даху превратилась в морскую сирену.

Бретонцы до сих пор упрямо верят, что в тихие и безветренные дни сквозь прозрачную толщу можно услышать, как приглушенно и меланхолично звонят колокола затонувших соборов, отбивая такт подводного течения.

Старинные легенды гласят, что когда-нибудь Ис поднимется со дна, и тогда его красоту затмит только Par-Is (Париж), что на их языке означало «Равный Ису».

Чёрный Перигор: записки на полях

Упрямое желание в одиночку исследовать Чёрный Перигор созревало во мне слишком долго, чтобы я мог просто отмахнуться от этой идеи. Глянцевые путеводители всегда безбожно врут, пытаясь упаковать живые эмоции в аккуратные абзацы, поэтому я просто закинул вещи в машину и поехал смотреть на этот край своими глазами.

Настоящая Дордонь не терпит суеты, так что я сознательно отказался от прямых банальных маршрутов и заложил хитрый крюк через соседние земли. Мне требовался плавный внутренний переход, своеобразный мостик между шумным миром скоростных трасс и надвигающейся средневековой глушью. Я не прогадал — пауза на пограничье сработала безупречно.

Ореховые тайны и граница миров

Оставив позади оживлённый Брив-ла-Гайард с суетливым субботним рынком и возвышающейся над крышами водонапорной башней в виде странного речного маяка, я увозил с собой стойкий аромат знаменитого орехового ликёра. Место его производства — старинная городская дистиллерия, то есть винокурня, где в огромных медных кубах на открытом угле уже два века перегоняют ароматные спирты, а сам легендарный напиток годами настаивают на зелёных грецких орехах по рецептам девятнадцатого столетия. Вывеска этой фабрики поначалу ставит в тупик: глаза видят написанное там название «Denoix», но на самом деле оно произносится как Денуа. Секрет кроется в коварной французской фонетике, где финальная буква остается немой, а сочетание гласных дает этот певучий звук. Но самое ироничное, что слово «noix» переводится как обыкновенный грецкий орех. Получается, основатель Луи Денуа

обладал потрясающим чувством юмора, решив использовать собственную «ореховую» фамилию как лучший рекламный бренд для главного городского напитка.

Переехав незаметную границу департамента Коррез, я почти сразу покинул открытые пологие холмы и поймал себя на ощущении, что провалился в совершенно иную реальность. Дорога послушно нырнула под густой, почти осязаемый навес из вековых каменных дубов, и стало ясно — я наконец въехал в Чёрный Перигор. Здесь, на самом востоке Дордони, дневной свет с трудом пробивается сквозь плотную листву, из-за чего лесные чащи кажутся антрацитовыми, а воздух сразу становится прохладным и пахнет сырой землёй, мхом и потаёнными трюфелями.

Каменный оплот Надальяк и дух перигорской осени

Первым форпостом на моём пути стал сонный приграничный Надальяк, который вырос прямо среди этих угрюмых дубрав. Он встретил меня полным отсутствием суеты и тяжёлой, серой средневековой архитектурой. Здесь я впервые увидел уникальные старинные крыши, выложенные из «лаузе» — плоских известняковых плит, которые местные мастера веками укладывали друг на друга без раствора и гвоздей, подгоняя камни по весу так, чтобы они держались под собственной тяжестью. Над тихими улицами мрачной глыбой возвышалась суровая укреплённая церковь Сен-Дени, больше похожая на неприступный боевой форт, чем на храм. Её толстые стены, иссечённые вековыми ветрами, до сих пор хранят память о временах, когда этот рубеж отчаянно обороняли от набегов соседей.

Сам Надальяк устроился на сухом, безводном каменистом плато, из-за чего его издревле прозвали «Сухим». Здесь нет ни рек, ни ручьёв, а главным сокровищем общины веками оставался глубокий старинный колодец на окраине, известный как фонтан Буар, чья ключевая вода спасала деревню в самые знойные годы. Октябрьское солнце греет уже лениво, и по густым предрассветным туманам сразу становится ясно, что здешние места подчинены законам глубокой осени.

Местные жители — люди неторопливые, молчаливые и поразительно основательные. Вся их жизнь завязана на неспешном ритме природы: выпасе коров на холмистых лугах, уходе за каштановыми рощами и, конечно, тихой охоте. Осень в Чёрном Перигоре считается священным временем, когда из окрестных лесов корзинами выносят крепкие белые грибы, а в амбарах бережно сушат грецкие орехи для ароматного тёмного масла.

С приходом сумерек сонные каменные улицы оживают благодаря старинному деревенскому обычаю — осеннему празднику каштанов. Местные фермеры выкатывают на центральную площадь огромные дырявые сковороды, на которых прямо над открытыми углями жарят сладкие плоды, пока их толстая кожура не начинает с треском лопаться, наполняя остывающий воздух густым, уютным дымом. За длинными деревянными столами прямо под открытым небом уставших путников потчуют сытной, честной крестьянской кухней. Здесь подают сочную утиную грудку магре, истекающий соком картофель, обжаренный в чистом гусином жиру с диким чесноком, и тающий во рту нежный паштет фуа-гра, который принято запивать терпким, плотным и согревающим выдержанным вином из старинных погребов соседнего Бержерака.

Детство мира в долине Везер

Утренний туман ещё плотно лежал в низинах, когда я завёл мотор и двинулся дальше на юг по извилистой D704, углубляясь в самое сердце Чёрного Перигора. Дорога вела меня к реке, но этот край упрямо не хотел отпускать быстро, подбрасывая одно чудо за другим. Всего через пару десятков километров дубовые леса расступились, явив долину реки Везер и сонный городок Монтиньяк. Именно здесь, на крутом холме, скрывается одно из самых мистических мест Европы — пещера Ласко. Саму древнюю галерею давно запечатали ради её спасения, но созданная рядом точнейшая копия заставляет затаить дыхание.

Когда в полумраке искусственного грота перед моими глазами ожили огромные, дышащие первобытной экспрессией силуэты бегущих охристых лошадей и обведённых угольным контуром быков, время внутри меня просто сломалось. Затаив дыхание от первого благоговейного шока, я поймал себя на том, что уже через минуту стою и улыбаюсь от нахлынувшего очень тёплого, детского дежавю.

Гораздо позже, когда я уже грелся в тепле машины, я заглянул в глянцевый путеводитель и прочитал, что Ласко во Франции официально называют «Сикстинской капеллой первобытной живописи». Но там, в полумраке грота, эти книжные штампы мгновенно осыпались. Память упрямо пыталась вспомнить, в каком же классе мы разглядывали этих быков — кажется, в пятом, хотя нынешние школьники, возможно, проходят их уже в шестом. Впрочем, это оказалось совершенно не важно. Ласко доказывает, что Чёрный Перигор хранит память не просто Средних веков, а самого рассвета человеческого сознания, когда первобытный охотник точно так же замирал в темноте перед оживающим в свете факела камнем.

Забытая крепость в лесной глуши

Дорога от первобытных наскальных гротов Ласко к золотым улочкам Сарла петляла среди таких дремучих и угрюмых дубрав, что в какой-то момент я поймал себя на мысли о потаённых замках-призраках. Память мгновенно подсказала, что именно здесь, в стороне от шоссе, в глухой долине реки Бён, прячутся руины крепости Коммарк. Не выдержав искушения, я резко вывернул руль и поехал наперерез навигатору по узкой, засыпанной листвой колее, готовый увидеть классические, унылые обломки стен. Каково же было моё удивление, когда, оставив машину у края чащи и пройдя пешком по каменистой тропе, я обнаружил вовсе не безжизненные руины.

Из-за вековых крон на меня сразу же шагнула мощная, колоссальная и поразительно живая каменная цитадель, которая буквально дышала историей. Над доисторическим гротом, где сохранились палеолитические рисунки коней, высились суровые пещерные убежища средневековых жителей, а венцом всего этого великолепия служил величественный рыцарский донжон — это место просто ошеломляло своей многослойностью. Больше трёх веков назад замок покинули последние обитатели, и природа безжалостно поглотила пустеющие стены, превратив их в огромный, поросший лесом холм.

Его спасла невероятная, почти фантастическая верность корням. В 1972 году эти заросшие развалины выкупил граф Юбер де Коммарк — прямой и истинный потомок тех самых средневековых лордов, что заложили здесь первую каменную кладку восемьсот лет назад. Он посвятил больше полувека тому, чтобы вручную вырубать чащу и буквально откапывать цитадель предков из земли. Бродя среди этих оживших бастионов, которые сегодня его дети так же бережно продолжают возвращать к жизни, я физически ощущал, что Коммарк оказался

не мёртвым скелетом прошлого, а живым свидетельством того, как человеческая преданность способна победить время.

Золотые тени Сарла-ла-Канеда

После первобытных пещер Монтиньяка и живого каменного «слоёного пирога» дорога повела меня прямиком в Сарла-ла-Канеда — средневековое сердце Чёрного Перигора. Этот город знаменит тем, что здесь полностью, без единого изъяна, сохранилась аутентичная архитектура четырнадцатого — семнадцатого веков, а все особняки построены из особого местного известняка тёплого золотисто-медового оттенка. В закрученных спиралью переулках время окончательно капитулировало перед прошлым. Местные власти пошли на удивительный шаг: абсолютно все современные электрические провода и коммуникации здесь спрятаны глубоко под землю, чтобы ни одна деталь двадцать первого века не смела портить кинематографичную атмосферу времён королевских мушкетеров. Прогуливаясь мимо фасадов с высокими готическими окнами и островерхими башнями, я поймал себя на мысли, что из-за любого угла вот-вот выскочит кавалерия в синих плащах.

Сарла подарил миру не только эту застывшую в камне сказку, но и одну из самых красивых историй преданности в европейской культуре. Именно в самом сердце этого золотого города родился философ и поэт Этьен де Ла Боэси. Его культовая, безупречно чистая дружба с Мишелем де Монтенем стала легендой своего века. Когда Ла Боэси безвременно ушёл из жизни, потрясённый этой потерей Монтень долго пытался найти утешение в суете общественной жизни, но спустя годы всё же уединился в башне родового замка. Именно там он начал писать знаменитые «Опыты» как попытку заглушить невыносимую боль одиночества. На страницах этого великого труда философ оставил пронзительную фразу, объясняющую глубину их связи: «Если меня заставят сказать, почему я любил его, я чувствую, что не могу выразить это иначе, чем ответив: „Потому что это был он, потому что это был я“».

Размышляя об этом, я шёл по старым мостовым, где когда-то точно так же ступала нога Ла Боэси. Воздух на площадях дышал ароматами свежих багетов и утиного конфи, а тени от старых фонарей ложились на брусчатку так густо, что город казался живой декорацией, в которой мне посчастливилось затеряться перед выездом к реке.

Долина замков и тихой воды

Город золотого песчаника остался позади, и впереди за холмами уже угадывалась долина реки Дордонь. Когда извилистая холмистая дорога наконец вывела меня к высокому панорамному утёсу, у меня буквально перехватило дыхание, и я сам, повинуясь внезапному порыву восторга, резко нажал на тормоз и бросил руль. Передо мной раскинулся Чёрный Перигор во всём своём величественном блеске.

Внизу несла свои чистые воды река, чьё значение для здешних мест было настолько огромным, что когда-то её древнее имя полностью вытеснило прежние названия на картах, одарив им весь этот обширный край. В народе эту водную артерию веками уважительно величали «Рекой надежды» — именно она кормила целые поколения, связывая отрезанные лесами поселения с большим миром. Рождаясь где-то далеко как бурный горный поток, здесь, в Чёрном Перигоре, Дордонь несла свои глубокие воды мощным, уверенным и величавым ходом, скрывающим коварный нрав под обманчиво ровной гладью. По этой воде, покачиваясь на мелких волнах, плыли деревянные габбары — плоскодонные традиционные барки с широкими пару-

сами, которые в прошлые века возили бочки с вином и каштановые доски, а сегодня неспешно катали редких путешественников. По обеим же сторонам русла на отвесных стометровых скалах грозно высились серые громады средневековых замков Бейнак и Кастельно, веками смотревших друг на друга с непримиримой враждой.

В этот момент я отчётливо понял, что не смогу просто проехать мимо этой красоты, и твёрдо решил задержаться здесь на три дня. Спустившись к самой воде, я остановился в крошечной, сказочной деревне Ла-Рок-Гажак, чьи сложенные из грубого камня дома были буквально впрессованы в узкую расщелину между зеркальным руслом реки и гигантской отвесной скалой. Из-за этого природного щита здесь царил удивительный, почти тропический микроклимат, и прямо у порогов древних жилищ буйно зеленели самые настоящие пальмы, банановые деревья и олеандры. Спрятав ключи от машины в карман, я снял для себя целиком небольшой старинный каменный домик под самой скалой с видом на речную излучину, готовый провести ближайшие дни в полном слиянии с этим тихим, застывшим во времени уголком.

Мои три дня у тихой воды превратились в удивительное, размеренное приключение, где время измерялось не часами, а движением солнца по небу. Первым делом я отправился исследовать реку изнутри и ступил на деревянную палубу традиционной габбары. Скользить по обманчиво спокойному и величавому течению Дордони на этой плоскодонной барке, слушая лишь скрип мачты и плеск волн о борта, — ни с чем не сравнимое удовольствие. С реки Чёрный Перигор открылся совершенно иначе. Исполинские скалы казались ещё выше, а нависающие над ними каменные башни Бейнака и Кастельно выглядели так, словно их высекли из самого утёса великаны.

Бейнак, вросший в монолит на северном берегу, казался абсолютно неприступным. Его отвесная стена уходила прямо в пропасть, делая любую попытку штурма со стороны воды безумием. Его суровый прямоугольный донжон двенадцатого века до сих пор хранит мрачную память об оккупации и суровом правлении Ричарда Львиное Сердце. Строго напротив него, венчая каменистый мыс, щетинился сложной системой внешних оборонительных стен английский форпост Кастельно. На его казематах до сих пор установлены полноразмерные средневековые требушеты и осадные машины, нацеленные в сторону французского берега. Во времена Столетней войны эта мирная река под килем лодки была опасной линией фронта, а эти два каменных титана вели непрерывную дуэль взглядов, обмениваясь шпионами, заговорами и вечным напряжением. Мимо лодки проплывали плакучие ивы, склонявшие ветви к самой воде, пустынные песчаные отмели и застывшие в камышах серые цапли, которые лениво провожали взглядом моё судно.

Однако настоящая магия началась, когда я вернулся на берег и решил обойти эти места пешкодралом. Оставив всякую мысль о машине, я целыми днями пропадал на крутых, петляющих среди дубрав тропах, чтобы рассмотреть замки вблизи. Ноги быстро уставали от постоянных подъёмов, но каждый поворот каменистой дорожки стоил этих упрямых усилий. Карабкаясь к подножиям крепостей, я прикасался рукой к их шершавым, иссечённым стрелами и веками камням, заглядывал в узкие бойницы и представлял, как здесь кипела жизнь. В этих пеших вылазках я открывал для себя потаённую изнанку края: крошечные заброшенные часовни, спрятанные в лесной глуши, старинные каменные колодцы и бесконечные панорамные площадки на вершинах обрывов.

Одна из таких троп вывела меня к вершине высокого плато, где раскинулись знаменитые подвесные сады Маркессак, окончательно убедившие меня в том, что три дня здесь

— ничтожно малый срок. Передо мной открылся фантастический лабиринт из тысяч вековых самшитов, которые поколения садовников вручную стригли в форме идеальных округлых облаков, волн и причудливых холмов. Прогуливаясь по этим зелёным аллеям под крики лениво расхаживающих павлинов, я то и дело выходил к панорамным точкам, откуда вся долина просматривалась на километры вперёд.

Жизнь у реки текла по своим, вековым законам, и именно здесь я по-настоящему соприкоснулся с бытом перигорцев. Местные жители оказались людьми немногословными, гордыми, но удивительно гостеприимными, если проявить уважение к их традициям. Хозяин моего съёмного домика, пожилой Жан-Пьер, каждое утро уходил на «тихую охоту» в дубовые рощи и однажды взял меня с собой, приоткрыв главную страсть Чёрного Перигора. Октябрь для них — священное время. Под шорох падающих листьев мы искали крепкие белые грибы, которые здесь называют *«се́пы»*. Жан-Пьер с азартом ребёнка показывал, как правильно разгребать мох, и наотрез отказался выдать места, где растут ещё более ценные подземные чёрные трюфели — этот секрет в местных, исполненных гордости семьях передаётся строго по наследству.

Обедал и ужинал я в крошечном деревенском трактире у самой воды, где собирались только свои. Французская кухня здесь лишена столичного пафоса, она честная, сытная и невероятно калорийная, ведь почти всё готовится на чистом гусином или утином жиру. Визитной карточкой трактира был традиционный перигорский омлет — пышный, сочный, щедро посыпанный свежесобранными лисичками и тонкими, ароматными ломтиками чёрного трюфеля. К нему подавали хрустящий багет и знаменитый «салат Перигорден» с уткой конфи, вялеными магре и грецкими орехами. Жан-Пьер научил меня старому местному обычаю под названием «шабро»: когда на дне тарелки остаётся немного горячего и густого утиного бульона, туда нужно плеснуть пару глотков терпкого красного вина из соседнего Бержерака, взболтать и выпить прямо через край. Поначалу это казалось странным, но в прохладный октябрьский вечер такой ритуал согревал лучше любого камина. На исходе третьего дня, стоя на вершине холма над речной излучиной и глядя на раскинувшуюся внизу долину Реки надежды, я чувствовал себя не просто туристом, а человеком, который наконец-то поймал настоящий, подлинный ритм этой древней земли.

Огненный Отфор

Четвёртое утро в Ла-Рок-Гажак встретило меня лёгкой дорожной грустью. Тепло распрощавшись с Жаном-Пьером, который на прощание всё-таки вручил мне склянку того самого орехового масла, я наконец достал ключи от машины. Мой изначальный маршрут вёл в другую сторону, но мысли о писателе Эжене Ле Руа и его бунтарском романе «Жаку-Батрак» упрямо не давали мне покоя. Взвесив все за и против, я решительно развернул машину и рванул наперекор первоначальным планам к замку Отфор.

По мере приближения к цели дубовые чащи расступились, и на высокой уединённой скале перед моими глазами выросла его сияющая громада. В отличие от угрюмых военных крепостей у реки, этот величественный дворец поражал своим парадным изяществом, правильными линиями классицизма и безупречной геометрией подстриженных французских садов. Именно здесь, в тени этих бастионов, родился Ле Руа, сумевший вплести суровый характер здешней земли в плоть французской литературы. Прогуливаясь по высокой замковой эспланаде, откуда открывался бескрайний вид на холмы и каштановые леса, я окончательно убедился, что этот огромный крюк стоил каждой минуты потраченного времени.

Суровые стены Гриньоля

Оставив позади сияющие сады Отфора, я снова уселся за руль. Промчавшись мимо мест, где я провёл три замечательных дня отдыха, и которые мне так сильно запали в душу, что я захотел там остаться навсегда, я, совсем не оглядываясь, стремился к замку Гриньоль — суровому, подлинному родовому гнезду великого аристократического дома Талейран-Перигоров, чьё имя веками гремело по всей Франции и полностью слилось с названием всего этого древнего края. Сам знаменитый и хитрый дипломат Шарль Морис де Талейран в этих глухих местах из-за своей хромоты и светской столичной жизни никогда не бывал, но эти массивные каменные стены тринадцатого века на протяжении многих столетий принадлежали его предкам. Замок, перенёсший яростные пожары былых междоусобиц и Фронды, встретил меня молчаливым величием своих полуразрушенных бастионов и грозных зубчатых башен, которые до сих пор возвышаются над каменистым гребнем холма.

Самое поразительное, что эти древние камни не брошены на произвол судьбы. Сегодня замок выкуплен и бережно восстанавливается из руин новыми хозяевами, возвращающими былой блеск историческому наследию. Медленно прогуливаясь вдоль заросшего травой крепостного рва и рассматривая шершавую суровую кладку, я думал о том, как удивительно переплетаются времена. Здесь, среди лесной тишины, история великих европейских заговоров прошлого уступила место тихой, упрямой верности наших дней, возвращающей жизнь в опустевшее дворянское гнездо.

Светлый оплот Миранд

Дорога к замку Миранд после мрачной мощи Гриньоля показалась мне возвращением из сурового Средневековья в изящную сказку. Эта светлая, лёгкая ренессансная цитадель расположена на левом берегу Дордони, и её изящные шпили, резные окна и парадные террасы резко контрастируют с угрюмыми боевыми фортами соседей. Камни замка будто впитали в себя солнце, но главная магия этого места открылась мне не в архитектуре, а в пронзительной истории двадцатого века, когда хозяйкой этих стен стала легендарная Жозефина Бейкер. Американская танцовщица, звезда парижского кабаре и отважная участница французского Сопротивления превратила старинное дворянское гнездо в грандиозный гуманистический эксперимент, выкупив его после окончания войны.

Здесь, в самом сердце французской глуши, она воплотила в жизнь свою мечту о мире без расовых предрассудков, собрав под одной крышей двенадцать усыновлённых детей самых разных национальностей и религий. Жозефина гордо называла эту большую семью своим «радужным племенем», доказывая человечеству, что братство возможно, какими бы разными ни были наши корни. Бродя по комнатам, где до сих пор бережно сохранены детские спальни, их игрушки и сценические наряды самой великой артистки, я чувствовал, как стены замка буквально пропитаны этой безумной, отчаянной и прекрасной любовью, которая в итоге разорила звезду, но увековечила её имя в истории края.

Современность добавила этому месту ещё один удивительный штрих, вернув старинным террасам их былую рыцарскую зрелищность. Прямо на фоне светлых замковых стен сегодня устраивают грандиозные шоу хищных птиц, где огромные соколы, ястребы и ленивые совы с шумом рассекают воздух над головами зрителей, подчиняясь едва заметным жестам сокольников. Взмахи мощных крыльев на фоне ренессансных башен казались живым эхом ушедших эпох, напоминая о том, что в Чёрном Перигоре природа и человеческая судьба всегда идут руку об руку.

Каменные тайны подземного Бельвеса

Крутой, затяжной подъём вывел мою машину к вершине холма, где буквально над самой пропастью повис старинный Бельвес. Этот средневековый город, застывший высоко над речной долиной, встретил меня суровыми каменными фасадами и великолепной деревянной галереей старого рынка, построенной ещё в пятнадцатом веке. Самое интригующее чудо этого места обнаружилось не снаружи, а глубоко под землёй, прямо под центральной торговой площадью. Спустившись по узкой каменной лестнице в сырую темноту, я поймал себя на ощущении, что совершил прыжок во времени на много веков назад, оказавшись в таинственных троглодитских убежищах.

Восемь суровых подземных залов, соединённых между собой узкими проходами, когда-то служили надёжным убежищем для простых средневековых жителей во время жестоких осад и опустошительных войн. Бродя с фонарём по этим вырубленным в известняке пещерам, я с удивлением рассматривал следы древнего быта, которые до сих пор кажутся тёплыми и живыми: выбитые в скале хлебные печи, глубокие колодцы и места для содержания скота. Чёрный Перигор снова напомнил мне о своей удивительной многослойности, доказав, что его история пишется не только шпилями замков на вершинах скал, но и этими потаёнными подземными катакомбами, где веками спасался обычный человек.

Башня уединения Мишеля де Монтеня

Дорога на запад в итоге привела меня к самой границе Пурпурного Перигора, где среди бескрайних виноградников скрывается тихое родовое гнездо Мишеля де Монтеня. Фамильный замок великого мыслителя пережил страшный пожар в XIX-м веке и потерял свой первоначальный средневековый облик. Но пламя чудом пощадило старые камни, оставив нетронутым главное сокровище усадьбы — ту самую уединённую круглую башню. Поднимаясь по стёртым каменным ступеням в уцелевшую библиотеку философа, я физически ощущал, как замыкается круг моего перигорского путешествия.

Интерьер этого круглого святилища до сих пор дышит атмосферой уединённого интеллектуального затворничества, а на тяжёлых деревянных балках потолка всё ещё видны выжженные по приказу Монтеня латинские и греческие изречения о суетности мира. Именно здесь, за этим массивным столом у узкого окна, мыслитель провёл долгие годы, пытаясь на бумаге пережить невыносимую боль от потери своего лучшего друга Этьена де Ла Боэси, с чьим призраком я мысленно столкнулся ещё на золотых улицах Сарла. Строки его бессмертных «Опытов» рождались в этих стенах не из холодного философского расчёта, а из глубоких слёз одиночества, превративших башню в монумент великой человеческой верности.

Завершая свой путь на этой высокой созерцательной ноте, я долго смотрел сквозь бойницу на залитые багряным закатным солнцем холмы Пурпурного края. Чёрный Перигор с его антрацитовыми дубравами, грозными речными замками и доисторическими тайнами остался позади, но его суровый, честный дух навсегда изменил мой собственный внутренний ритм. Настоящее путешествие всегда заканчивается там, где из путевых заметок и внешних дорожных впечатлений рождается глубокая тишина внутри самого себя.

Парижский экспресс и дорожные памятки

Стоя на высокой смотровой площадке у башни Монтеня и глядя, как октябрьское солнце медленно тонет в холмах, я принял окончательное решение. Я прибыл в Пурпурную Дордонь из Чёрного Перигора лишь потому, что уезжать в Париж прямо оттуда, где мной был исхожен и объезжен каждый потаённый уголок, было бы слишком невыносимо и грустно, но оставаться здесь и колесить по чужим виноградникам я не стану. Мне не хотелось размениваться на здешние ухоженные равнины и тем самым размывать то густое, таинственное и пахнущее сырой землёй впечатление, которое засело во мне внутри. Пусть оно навсегда останется цельной, антрацитовой осенней сказкой.

Я сел в машину и взял курс прямиком на Бержерак, где цивилизация уже вовсю заявляла о своих правах. Возле железнодорожного вокзала я припарковал мой верный, уставший от крутых замковых подъёмов хэтчбек и на ходу набрал номер прокатной компании. Коротко объяснив менеджеру, что оставляю ключи и саму машину на их фирменной вокзальной стоянке, я закинул ключи в специальный ящик и, чудом успев купить билет на ближайший региональный поезд, в котором мне суждено было теперь полтора часа трястись до вокзала Сент-Жан в Бордо, поспешил на перрон.

Когда я устроился в уютном вагоне, меня посетила тревожная мысль, что в «Спящей красавице», как сами французы прозвали город за его погружённые в вековой сон старинные фасады, мне придётся спешно отлавливать скоростной экспресс на Париж, если, конечно, повезёт взять билет, а иначе суждено на неопределённое время застрять в мировой столице виноделия и есть их приторные пирожные канеле.

Чтобы отвлечься, я принялся бережно перекладывать свой дорожный багаж, который превратился в осязаемую карту моих перигорских дней. Каждая вещь здесь дышала воспоминаниями. Из кармана чемодана на меня глянула склянка густого орехового масла от Жан-Пьера, рядом шуршал холщовый мешочек с сушёными белыми грибами «сéпами» и глухо звякала бутылка терпкого бержеракского вина. Чуть глубже перекатывались тяжёлые, глянцевые фермерские каштаны-марроны, мгновенно напомнившие мне уютный дым октябрьских площадей. Я провёл пальцем по гладкой, пахнущей самшитом рукояти знаменитого ножа Нонтрон с его загадочным выжженным узором — этот строгий, брутальный кусок ручной работы я вёз в подарок старшему брату. Я улыбнулся, глядя на тяжёлую глиняную кружку медового цвета, чудом уцелевшую в спешке. А в самом сердце чемодана, бережно завёрнутая в хрустящую крафтовую бумагу, покоилась плотная льняная скатерть в классическую перигорскую полоску — подарок для мамы, который до сих пор хранил тонкий аромат лаванды и солнца французской глубинки.

Под мерный, убаюкивающий перестук колёс я защёлкнул замки багажа, увозя с собой все эти бесценные дорожные памятки, и отчётливо понял, что, как бы ни сложился мой дальнейший путь, я уже навсегда стал владельцем одной из частичек души этого сурового и честного края.

Маршрут потаённых дорог

Брив-ла-Гайард (канун пути): Рынок, маяк-водонапорка, ликёр «Denoix» на основе холодного настаивания.

Въезд в Чёрный Перигор: Граница Корреза, антрацитовый навес каменных дубов и открытые пологие холмы на подступах.

Каменный оплот Надальяк: Сухое известняковое плато, крыши «лаузе», церковь-форт Сен-Дени и спасительный глубокий колодец-фонтан Белль. Только сонный суровый камень.

Детство мира в долине Везер: Трасса D704, Монтиньяк, копия пещеры Ласко, бегущие охристые лошади, дежавю по учебнику истории.

Замок Коммарк: Поворот наперерез навигатору в долину реки Бён. Слоёный пирог времени от палеолита до донжона. Граф Юбер де Коммарк, раскапывающий цитадель предков с 1972 года.

Золотые тени Сарла-ла-Канеда: Медовый город, провода под землёй, кавалерия в синих плащах. Дружба Ла Боэси и Монтеня, где мыслитель ушёл в башню спустя годы, а не сразу.

Долина замков и тихой воды: Панорамный утёс, мощная Река надежды, плоскодонные габбары. Трёхдневный привал в Ла-Рок-Гажаке с пальмами и микроклиматом. Дуэль французского Бейнака и английского Кастельно, помнящего правление Ричарда Львиное Сердце. Прогулки пешкодралом, сады Маркессак, сбор грибов «сéпы» с Жан-Пьером. Финал: ужин в трактире с салатом перигорден, омлетом с трюфелями и ритуал «шабро» с бержеракским вином.

Огненный Отфор: Крюк на самый север региона ради Эжена Ле Руа, автора «Жаку-Батрак», родившегося прямо в замке. Дворец классицизма и французские сады.

Суровые стены Гриньоля: Переезд на запад в Белый Перигор с возвращением по трассе на юг мимо Ла-Рок-Гажака. Родовое гнездо Талейран-Перигоров, чьё имя слилось с названием края. Стены XIII века, перенёсшие пожары былых междоусобиц и Фронды, полуразрушенные бастионы, восстановление руин новыми хозяевами.

Светлый оплот Миранд: Возвращение к реке Дордонь после суровой цитадели Талейранов. Светлая ренессансная архитектура на левом берегу. История Жозефины Бейкер, её участия в Сопротивлении и двенадцати усыновлённых детей разной национальности, известных как «радужное племя». Современные шоу хищных птиц на фоне старинных башен.

Каменные тайны подземного Бельвеса (прощание): Средневековый город на крутом холме, буквально висящий над долиной. Спуск в таинственные подземные убежища-катакомбы из восьми суровых пещерных залов со следами древнего быта прямо под рыночной площадью XV века, где веками спасался простой люд.

Башня уединения Мишеля де Монтеня (финал): Дорога на запад к самой границе Пурпурного Перигора, у фамильной усадьбы. Подъём в уцелевшую после пожаров круглую башню-библиотеку с выжженными изречениями на балках потолка, где философ писал свои «Опыты», оплакивая умершего друга. Сборы на вокзале Бержерака, региональный поезд до Сент-Жан, канеле и тревожные мысли о билетах в «Спящей красавице» Бордо по пути к Парижу. Закольцовка сюжета.

Le Havre de la Dordogne

Le trente et un août se réveille,
Le temps s’arrête, et le ciel a tort.
Il n’y a pas eu de merveille,
Sans océan, l’été était mort.

Ce qui s’échappe et ce qui reste,
Le mot de trop, le faux raccord,
On cherche un sens, on fait un geste,
Et le papier souffre jusqu’au bord.

L«écrit s’efface avec le dit,
Même le non-vécu s’en va.
Sous l’automne qui vient pluie,
Tout masque se fondra.

La rime est lourde, le rythme boite,
Le faux poète a tout gâché,
Et dans cette mémoire étroite,
Le vrai reflet s’est fait cacher.

Regarder le temps qui s’efface,
Vouloir garder ce qui n’est plus,
Derrière les vitres et les glaces,
Les tristes ombres sont perdues.

Diptyque des souvenirs d'une vie antérieure (Диптих воспоминаний о прошлой жизни)

Une terre qui a captivé mon âme et mon cœur, mais où je n'ai jamais été et ne serai jamais.
Daniel

(Земля, пленившая душу и сердце,
Но где я не был и не буду никогда.
Даниэль)

1. Ode à la rivière de Dordogne

O Dordogne, fleuve majestueux et fier,
Qui enfantes les murmures du temps,
Tu guides tes flots dans le Périgord d'hier,
Sous le regard des rocs et des grands vents.
Souveraine des vallées et des sombres bois,
Tu vois passer les siècles et les rois,
Et ton cours éternel qui jamais ne fléchit
Parle à la terre que ta course enrichit.

Que de châteaux hardis mirés dans ton miroir
Ont vu crouler leurs tours et leurs remparts!
Mais ton onde argentée, au fond du vallon noir,
Se rit des vains destins et des fiers étendards.
Tu coules, libre et pure, à travers les cités,
Baignant les vieux granits
de tes claires beautés,
Et le voyageur las, assis sur ton rivage,
Trouve la paix profonde en ton noble langage.

Le temps emporte tout, la jeunesse et les jours,
L'homme passe et s'en va comme
une ombre du soir,
Mais toi, fille des hauts monts,
tu poursuis ton cours,
Gardienne des secrets qu'on ne saurait savoir.
Dors en paix, ô rivière, en ton lit de splendeur,
Inspire aux beaux esprits une sainte grandeur,
Et que l'écho lointain de ta voix solennelle
Chante à jamais pour nous la nature éternelle.

2. Mémoire du Périgord Noir

C’est là que la Vézère
dans la brume chemine,
Où l’ombre de l’automne embrasse la nuit.
Le Château Châtaigne, au flanc de la colline,
Regarde le courant qui doucement luit.
Là où la haute rive unit son flot sauvage
À tes ondes claires qui coulent si bas,
Ce fier Château Châtaigne éclaire ton rivage,
Ce fier Château Lô que l’eau tient dans ses bras.

Sous les hauts châtaigniers,
dans un calme retrait,
Où les pierres antiques veillent sur les bois,
Mon Château Châtaigne, pensif et discret,
Écoutait ton cours soumis à ses lois.
Ô Daniel, dont la jeunesse a fleuri jadis
Sous ce ciel de vigne, au milieu des vieux rois,
Cette rive calme fut ton paradis,
Où le vent d’automne murmurait sa voix.

Que le temps emporte nos belles années,
Et que la jeunesse s’enfuie dans la nuit,
Sur tes eaux sacrées, par le ciel couronnées,
Vit notre mémoire, défiant l’oubli qui détruit.
Le château de pierre au bord du flot changeant,
Où le courant sombre embrasse le granit,
Garde dans le soir, sous un reflet d’argent,
L«écho de ton âme que la nuit bénit.

Легенды Долины человечества

Лесной портал в 1795 год

В 1795 году, пока революционный Париж захлёбывался в терроре и обесцененных ассигнатах, Чёрный Перигор выбрал изоляцию. Отрезав себя от государства, наш край погрузился в привычную стойкую тишину, пахнущую дубовой корой, трюфелями, каштанами, землёй и костровым дымом.

Моя фамилия — Шатеньри. Она почти явственно нашёптывает о каштановом оттенке. В ту осень я чувствовал эту связь как никогда раньше обострённо. Каштановые рощи и непроходимые дубовые чащи Перигора стали нашей неприступной цитаделью. Жизнь Франции рушилась, законы менялись каждую неделю, а здесь, под кронами вековых деревьев на берегах великой реки и множества притоков, время словно замерло. Мы отказались от парижских денег, превратившихся в бесполезный мусор, и вернулись к тому, с чего начиналось человечество — к чистому натуральному обмену. Меняли дичь, каштаны и драгоценные трюфели на мешки серой соли и муку.

Нашим главным укрытием стали речные долины. Величественная, тихая в этих местах Дордонь веками вымывала глубокие каньоны в высоких известняковых скалах. Но если Дордонь была открытой, широкой и несла свои воды мимо гордых средневековых замков, то её правый приток, угрюмый Везёр, был совсем другим. Он казался более узким, скрытным, с тёмной, коричневой водой над глубоким илистым дном. Именно долина Везёра, эта Долина Человечества, изрытая тысячами доисторических гротов и пещер, стала для нас в 1795 году настоящим домом. А вдоль её малого притока, тихой речушки Бён, петляющей в густых зарослях папоротника, можно было спрятаться так, что никакие жандармы не сыщут.

Там, где наши предки прятались от англичан в Столетнюю войну, мы прятались от сборщиков налогов и солдат Республики. Мы обживали скальные навесы Ла-Рок-Сен-Кристоф, нависающие прямо над водами Везёра. Мы называли себя лесной общиной, угольщиками, свободным народом. Мы пропитались дымом печей, выжигавших древесный уголь. Сизый туман написал над кронами и речной гладью, как защитный купол.

Жандармерия из Бордо панически боялась соваться в наши дебри. Лес и реки жили своей тайной ночной жизнью. У нас была своя система знаков. Если на прибрежной дороге показывались синие мундиры республиканцев, по лесу проносился глухой гул. Мы подражали крику сов, били камнями по полым стволам старых дубов, и этот сигнал летел от холма к холму, отражаясь эхом от речных скал. Буквально за полчаса каменные деревни пустели. Люди уводили скот, забирали детей и растворялись в тумане Везёра и Дордони. Солдаты входили в мёртвые, затихшие дворы, где остывали печи, и натыкались на гробовую, давящую тишину. Лес и вода смотрели на них тысячами невидимых глаз, и они убирались восвояси, крестясь от страха.

Я до сих пор помню, как сидел у костра в скальном гроте, глядя, как внизу, в темноте, сливаются в один поток Везёр и Дордонь у городка Лемёй. В руках был горячий, только что испечённый на углях каштан, пальцы испачканы в саже, а в груди дрожало невероятное, ни с чем не сравнимое чувство дикой, опасной и абсолютно чистой свободы. Это был наш порт в ночи, наше укрытие от человеческих драм. Пусть мир вокруг сходил с ума. Чёрный Перигор

хранил своих детей в тишине и покое, укрывая их золотистой листвой, каштановыми лесами и каменными объятиями речных скал.

Проклятие Леберу

Местные тайны, которые веками хранили эти глухие дубравы, открывались у костров в скальных убежищах Ла-Рок-Сен-Кристоф, когда долину окутывал плотный речной туман. Я приехал сюда чужаком и жадно слушал рассказы лесных углекопов, деливших со мной печёные каштаны и пресный хлеб. Старый отшельник Этьен поведал мне одну из самых жутких историй. Его лицо было вечно испачкано чёрной сажей, а глаза светились безумным пророческим блеском. Я сидел рядом с ним над тёмной, молчаливой водой Везёра, когда старик впервые заговорил со мной о Леберу.

Этот старинный миф о грешниках веками передавался из уст в уста по всей долине. Этьен уверял, что Чёрный Перигор никогда не прощает предательства. Человек, совершивший страшный грех, нарушивший священную клятву или предавший любовь, обрекал себя на изощрённое проклятие. Едва солнце скрывалось за известняковыми скалами, этот несчастный был обязан облачаться в тяжёлую шкуру зверя.

На мой вопрос о том, кем же становится про́клятый, старик лишь глухо рассмеялся и сплюнул в костер. Он зло бросил французское слово loup-garou, объяснив, что это навязанное парижскими чиновниками клеймо исказило древнюю окситанскую суть. Истинное имя этого кошмара рождено из местного наречия, где слово la lebre испокон веков означало обыкновенного зайца. Первородное проклятие не давало грешнику силы хищника, оно наказывало его трусостью и вечным позором. Человек обращался в несчастного длинноухого русака, обреченного в панике метаться по лесу. Но из-за банального созвучия слов в ушах пришлых людей несчастный заяц оброс волчьими клыками, а история о покаянии превратилась в байку о кровожадном чудовище.

Для лесных мастеров суть оставалась неизменной. До первого крика петуха оборотень должен был перепрыгнуть через семь притоков Везёра или обойти семь окрестных церковных приходов. В глухие ночи, когда ветер затихал в кронах дубов, углекопы часто слышали из чащи страшное, хриплое дыхание и стук когтей по кремню. Несчастная душа бежала из последних сил, сбивая лапы в кровь на камнях речушки Бён, спасаясь от вечного плена в зверином теле.

Самой большой опасностью Этьен назвал встречу со зверем на узкой прибрежной тропе. Тварь не могла разорвать человека, но она отчаянно искала избавления. Её единственным шансом было сбросить проклятие на чужие плечи, прыгнув прохожему на спину. Согласно суровому закону лесного народа, в момент падения тяжёлой твари на плечи человеку запрещалось кричать, бежать или пытаться сбросить её. Нужно было молча, стиснув зубы и сдерживая дрожь, нести этот живой кошмар на себе через чащу до первого крика петуха. Тогда шкура спадала, грешник обретал покой, а путник возвращался домой невредимым.

Я слушал старого лесного мастера, глядя на пляшущие искры костра, и мне казалось, что там, за границей света, в тёмных папоротниках у Везёра, кто-то невидимый и измученный тяжело вздыхает, ожидая своего спасителя.

Когда костер углекопов окончательно прогорел, оставив после себя лишь сизый дым и тлеющие угли, пришло время прощаться с Этьеном. Туман над Везёром стал настолько густым, что скрыл из вида очертания скал Ла-Рок-Сен-Кристоф, превращая вековые дубы в безмолвных призрачных великанов. Шаг вглубь ночной чащи уводил всё дальше от тепла стоянки, но слова старого отшельника продолжали звучать в голове, отзываясь внутри странным, необъяснимым покоем.

Вся долина Чёрного Перигора вокруг внезапно перестала быть чужой и далёкой. Обычный шорох ночной птицы или треск ветки больше не пугали, а серый речной туман казался родным укрытием. Всматриваясь в темноту у воды, довелось поймать удивительное чувство, что этот дикий, суровый край вовсе не враждебен. Напротив, среди этих вековых дубрав и молчаливых известняковых утёсов впервые возникло ощущение своего истинного места, словно после долгих скитаний наконец-то случилось возвращение домой.

Идя по знакомой прибрежной тропе, легко было понять, что древняя драма о Леберу больше не кажется просто жуткой сказкой лесных мастеров. Окситанские слова отзывались в крови как нечто родное, веками спавшее в памяти. Эта земля открылась не как исторический регион Франции, а как место, где знаком каждый поворот реки и каждая скрытая в тумане тайна, готовое принять свои законы, свою тишину и своё вековое сострадание.

Тени запечатанной пещеры

В лесах Чёрного Перигора над Везёром по ночам зависают густые прохладные туманы, и в эти часы край возвращается к своему истинному началу. Когда природа затихает, оживает то, что старше самой французской истории. У подножия холма, глубоко в чреве которого скрыта знаменитая пещера Ласко, пришлось остановиться на ночлег. Ныне древние известняковые своды этого грота наглухо запечатаны от людского взора тяжёлыми стальными дверями, чтобы дыхание живых не погубило хрупкую наскальную живопись. Для туристов построили бетонную копию неподалёку, но та копия мертва, тогда как в подлинной темноте холма по-прежнему бьётся древнее сердце земли.

Луна в тот раз была блёклой и острой, словно лезвие ножа. Воздух до краёв наполнился терпкими запахами сырого мха, горьковатого речного ила и коры старых дубов. Холод уже тянул от воды, но плотная одежда из доброй шерсти надёжно защищала от сырости. Плотный тёплый плащ укрывал от ночной прохлады, а разведённый у подножия скалы костёр жарко согревал своим огнём. Набранные днём спелые глянцевые каштаны теперь аккуратно выкладывались на тлеющие угли. Наслаждаясь их сладковатым ароматом и согревая руки о горячие плоды, мне так и не удалось сомкнуть глаз до самого утра, ведь впереди развернулось невероятное зрелище. Первобытные звери, нарисованные охрой и углём семнадцать тысяч лет назад, сошли со стен запертого грота. Великие чёрные быки, дикие длинногривые лошади и стремительные олени сбросили с себя каменное оцепенение. Это огромное стадо обрело плоть, бесшумно прошло сквозь толщу скал и начало спускаться по склону холма к самой воде.

У кромки реки под покровом глухой сизой дымки охватило оцепенение, заставив замереть и бояться издать даже вздох. Вода Везёра казалась чёрным текучим стеклом, в котором тускло отражались звёзды. Вдруг из серой пелены донёсся звук, от которого кровь застыла в жилах. Из тумана раздался яростный утробный храп диких доисторических коней, глубокий и свистящий. Ему вторил глухой рёв быков и мерное шуршание прибрежной гальки. Осока и камыш с сухим треском раздались в стороны, когда тяжёлые призрачные морды опустились к реке. Древние звери пришли на водопой к своей родной артерии, ведомые памятью веков. Они жадно пили воду, шумно фыркая и поднимая тучи брызг, а туман надёжно скрывал их могучие первобытные силуэты.

С первыми предрассветными лучами призрачное стадо медленно двинулось обратно к холму. Животные прошли прямо рядом с костром, минуя пламя с обеих сторон. Ужас и восторг сковали тело, не позволяя даже пошевелиться. Слева бесшумно плыли массивные тёмные контуры быков, а справа двигались грациозные силуэты коней. Обдав огонь прохладой и едва уловимым запахом древней земли, они величаво проследовали мимо и окончательно растаяли в утренней дымке у подножия холма. Они вернулись в свою запечатанную подземную тюрьму, а у реки остались лишь странные круглые вмятины на сыром песке, которые с наступлением утра полностью размыли набегающие волны.

Владыка сумрачных чащ

В лесных поселениях Чёрного Перигора, где рассветная мгла над Везёром сгущалась до непроглядной белой пелены, обитатели знали истинную цену каждому плоду земли. Древний затворник Этьен не раз удерживал меня от пагубных искушений этих глухих дебрей. Он твердил, что лес таит в себе дары, к коим смертному касаться возбраняется строжайше. Первым среди них с незапамятных времён почитался королевский трюфель — тот самый, что местные нарекли чёрным алмазом. Среди лесных углежогов жило незыблемое предание. Ежели под корнями дуба-долгожителя странник отыщет гриб безупречно круглой формы, размером с кулак, то нести его на торжище в Сарла было делом немыслимым. Подобная находка почиталась знаком самого владыки тёмных дубрав. Её надлежало либо с низким поклоном возвратить обратно в сырую почву, либо разделить за скудной трапезой с голодными побратимами.

Однажды вечером Этьен поведал мне сказание о крестьянине Пьере, что обитал на краю лесной глуши ещё до прихода республиканских солдат. Тот человек был нищ сверх меры и алчен без предела. В один из дней его свинья взрыла землю под развесистым древним дубом и вытащила на свет диковину неслыханную. Громадный чёрный трюфель источал пьянящий, ни с чем не сравнимый аромат, что проникал в самое нутро. Вместо того чтобы внять заветам предков, Пьер поспешно спрятал находку в свой сундук, замыслив тайно сбыть её богатому вельможе из Бордо на ближайшей ярмарке.

Едва ночь опустилась на его убогое жилище, всё вокруг разительно переменилось. Тяжёлый сладковатый дух просачивался сквозь щели сундука, туманя разум хозяина. Пьера терзали кошмары: корни прорастали сквозь его ложе, а из тёмного угла доносился леденящий шёпот, что настойчиво требовал возвратить похищенное земле. Наутро обезумевший от ужаса крестьянин кинулся к сундуку, но гриба там уже не было. На дне покоилась лишь пригоршня жирной, сырой земли.

Проклятие лесного владыки настигло святотатца в ту же ночь. Как только луна всходила над известняковыми утёсами, Пьер утрачивал человеческое обличье. Неведомая дикая мощь повергала его на колени и влекла в самую непролазную чащобу. Покоряясь зову лесного благоухания, он часами раздирал голыми руками каменистый грунт под дубами, срывая ногти до крови, тщетно силясь отыскать укрытое сокровище. В жилище своё тот горемыка так и не воротился, и ныне его неприкаянный дух осуждён на бесконечные скитания в туманной мгле.

Глубина

Поздняя осень в Чёрном Перигоре — это время, когда воздух становится густым от влаги, пропитанной горьким духом дубовой коры и гнилостным дыханием опавшей листвы. Из глубоких каменных разломов на Дордонь наползает тяжёлый туман, словно призрачная простыня, окутывающая реку своим бледным, бесцветным саваном. В такие моменты вода здесь словно умирает для посторонних глаз, но для меня она остаётся живой. Меня привела сюда жажда разгадки древних загадок и поиск настоящих сюжетов для будущей рукописи, и я остановился в крошечной гостинице, затерянной среди этих диких мест. В этой провинции образ крылатого змея Кулобра встречался на каждом шагу: от кричащих вывесок сувенирных лавок до выщербленных барельефов на старых стенах. Местные предания притягивали своей мрачной поэзией, ведь Дордонь всегда носила две личины. Днём она выглядит смиренной, покорно отражая силуэты средневековых крепостей на скалах, но с наступлением сумерек проявляется её настоящая, тёмная натура. Именно там, в подземных лабиринтах затопленных пещер, веками скрывается этот мифический монстр.

Наутро я отправился к лодочной станции при гостинице и взял в аренду габарру — массивное плоскодонное судно, которое недавно смастерили по старым чертежам, исключительно для потехи туристов. Стремясь к полной тишине и уединению, я по глупости отказался от подвесного мотора, решив грести вёслами. В тот вечер эта неуклюжая деревянная колода двигалась с трудом, как и положено такой махине. Вёсла налились свинцовой тяжестью, а речная гладь будто загустела, нехотя расступаясь перед широким килем. Вдалеке на берегу мерцали редкие огоньки деревень, но здесь, на середине реки, царило абсолютное одиночество. Тишина стояла давящая, звенящая, и в этой пустоте отчётливо бился лишь мой собственный тревожный пульс. Внутреннее чутьё кричало, что под многометровой толщей воды, в вечном мраке, шевельнулось нечто исполинское. Моё дерзкое появление потревожило покой бездны.

Внезапный мощный толчок качнул габарру, хотя на поверхности не было ни ветерка, ни волны. Пришлось бросить рулевой шест и вцепиться мёртвой хваткой в холодные борта, пока липкий, первобытный ужас сжимал горло. Прямо под кормой медленно всплывало колоссальное змеиное тело, отливающее сине-чёрной чешуёй в сгущающихся сумерках. Река вскипела пузырями, поднимая со дна вековой ил и тёмные водоросли. Мрачные байки стариков из Сарла оказались правдой, и теперь древнее чудовище всплывало именно за мной.

Речная гладь с грохотом разверзлась, и змей явился во всей своей пугающей, величественной красе. Живая чешуйчатая стена вздымалась над тяжёлой палубой, а огромные кожистые крылья полностью поглотили последние бледные лучи заката. Мощный удар хвоста поднял волну. В этот миг наши взгляды столкнулись, и в янтарных, немигающих глазах змея я увидел вечную холодную ярость самой реки. В моём же взоре отразился лишь смертный ужас. Через мгновение удар перевернул судно.

Ледяная вода сжала лёгкие, утягивая в кромешную тьму, прямо на дно. В те секунды я уже мысленно прощался с жизнью, готовясь принять конец, но яростное придонное течение решило иначе. Вместо того чтобы затащить жертву в подводное логово змея, мощный поток выбросил меня на каменистую отмель под величественной скалой Бейнака. С трудом выплюнув горькую воду, я выполз на берег, до сих пор не веря в своё спасение.

Разбирательство с хозяевами гостиницы началось сразу по возвращении глубокой ночью. Новая габарра погибла безнадёжно — её разбило о прибрежные скалы ниже по течению, а свежие дубовые доски обшивки раскололись от мощного удара бездны. За уничтоженное судно пришлось выложить владельцам отеля круглую сумму, которая опустошила мои карманы и едва не сорвала всю поездку. Как только золото перешло к ним, администрация мгновенно забыла о криках и обвинениях, уладив все формальности с лодочной станцией.

Уже в номере, куда зашли парень и девушка из обслуги, чтобы сменить бельё, я смог немного перевести дух. Отогреваясь, я вполголоса поведал им о том, что именно поднялось со дна реки у скалы Бейнака. Служащие слушали молча, сочувственно кивали, но при этом украдкой переглядывались с едва заметными, ироничными усмешками. Местные прекрасно знали старую легенду и явно решили, что приезжий чужак просто перепугался во время ночного крушения на коварном течении Дордони, и от страха ему померещился крылатый речной дракон. Когда они закончили, я отдал им промокшую одежду в стирку, протянул щедрые чаевые, и они вежливо удалились.

Сейчас, сидя в просторном номере с высокими потолками и массивными старинными шкафами, я долго смотрю на мирное пламя камина и записываю эти строки в рукопись. Из огромных стрельчатых окон виднеются темнеющие вдали холмы, а на дубовом полированном

столе тускло поблёскивают дорогие серебряные приборы. На комоде сиротливо лежат купленные накануне подвески и открытки с гротескными изображениями Кулобра, и эти простые сувениры теперь кажутся зловещей насмешкой. Настоящее чудовище совсем не походило на яркие картинки из лавки. В тишине каменного зала ровное тепло углей помогает успокоить мысли, и строки ложатся на бумагу легко, чтобы люди узнали истинную цену безмолвия Чёрного Перигора. Засыпая, я подумал: если когда-нибудь снова поплыву по реке, то обязательно надену подвеску как оберег. Вдруг дракон увидит и испугается собственного вида.

Каштановая непонятка

Солнце с трудом пробивалось сквозь раскидистые кроны, а я неторопливо бродил по лесу Чёрного Перигора и собирал спелые каштаны, осыпавшиеся на мягкий ковёр из зелёного мха. Время, проведённое в этих дубравах, всегда казалось мне близким к настоящей сказке, особенно когда наступал разгар золотой осени. В ту пору я был беден, жил в полном уединении у реки и мог только мечтать о том, чтобы повидать мир, заняться высокой поэзией и найти своё истинное признание. Набрав целую корзину глянцевых плодов, я вернулся в свою скромную хижину у самой воды. Я растопил дровяную печь, отыскал старую закопчённую сковороду с круглыми дырками на дне, на которой всегда жарил осенний урожай, и придвинул стул поближе к теплу.

Я принялся сортировать свои находки на столе, отделяя крупные плоды от мелких. Вдруг среди вороха сухих листьев мне попалась странная вещь. Это были три крупных каштана, которые прочно срослись на одной тонкой деревянной веточке. Сперва они показались мне испорченными, потому что их скорлупа имела необычный тусклый оттенок. Я уже занёс руку, чтобы бросить эту странную троицу на дырчатую сковороду к остальным каштанам, но в самую последнюю секунду что-то меня остановило. Какое-то странное тёплое покалывание в пальцах и более явственный лесной аромат, потянувший от сросшейся веточки, заставили меня отложить марроны на столешницу.

Ночью, после того как над Везёром поплыли прохладные туманы, а обычные каштаны на сковороде уже были съедены, я снова взял в руки эту странную веточку. Вспомнив старые сказки Чёрного Перигора, я аккуратно отделил первый янтарный плод. Я осторожно надрезал скорлупу крест-накрест своим старым ножом и отправил его в горящие дрова внутри печи. Оболочка плода с тихим треском лопнула, и из огня взвился сноп золотистых искр. Едва они рассеялись, в глубине пламени возникло удивительное призрачное видение. Огонь показал мне меня самого в роскошных дорожных одеждах на пороге сияющего парижского дворца. Это была иллюзия той громкой светской славы, которой я мог бы достичь в чужих краях.

Взял второй каштан с той же веточки, так же бережно сделал на нём крестообразный надрез и доверил его огню. Едва угли поглотили его, воздух в комнате наполнился нежным ароматом цветущих луговых трав. В его сполохах я увидел раскрытую печатную книгу со своим именем на кожаном переплёте и услышал шёпот сотен голосов, читающих мои стихи на площадях больших городов. Этот второй призрачный дар показал мне гипотетическую вершину моего поэтического успеха.

Долго сидел в тишине, глядя на угасающие искры. И вдруг мне подумалось, зачем мне вообще сдались эта далекая слава и даже печатная книга. Всё это показалось мне пустым и ненужным хламом по сравнению с тем, чего действительно просила душа. Смеясь, я достал из печи первые два надрезанных, но так и не пропечённых каштана. Я подошёл к открытому окну и швырнул их далеко в прохладную темноту, надеясь, что какая-нибудь лесная белка полакомится ими в ночи. Затем я взял последний, третий плод и с аппетитом съел его. Едва я проглотил сладкую горячую мякоть, в глубине остывающего очага явилось последнее, самое тихое видение. Там показался силуэт верного, преданного друга, который сидел где-то на берегу, бережно держал в руках листы с моими строками и ждал меня. Волшебные плоды никак не изменили мою бедную жизнь у тихой воды, зато теперь я обрёл твёрдое знание, что родная душа остаётся единственной настоящей ценностью в этом огромном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.